

СЬЮЗЕН УАЙС БАУЭР

ИСТОРИЯ УЯЗВИМОСТИ

КАК БОЛЕЗНИ
С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН РЕШАЛИ
ЗА ЧЕЛОВЕКА,
ЧТО ДУМАТЬ,
ВО ЧТО ВЕРИТЬ
И ЧТО ПОКУПАТЬ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

*В память о моем отце
Джеймсе Лафайетте Уайсе-младшем,
который рассказал мне все свои истории,
передал все свои медицинские учебники
и хотел бы увидеть эту книгу законченной.*

Болезнь как зеркало цивилизации

Читая эту книгу, трудно отделаться от ощущения, что перед тобой не академический труд о медицине, а нечто похожее на роман — захватывающий, написанный с подлинной страстью к своему предмету. «История уязвимости» Сьюзен Бауэр — одного из известных американских историков-популяризаторов, автора многотомной «Истории Древнего мира» — представляет собой редкий пример книги, способной одновременно изменить то, как мы думаем о прошлом, и то, как мы понимаем настоящее.

Центральный тезис книги прост: история человечества есть в значительной мере история болезни. Не «история медицины» в привычном смысле — смена теорий, открытие лекарств, биографии великих врачей, — а нечто куда более фундаментальное. Бауэр утверждает, что то, как люди объясняли болезнь в каждую эпоху, напрямую определяло их картину мира, их религию, их политику, их отношение к чужакам и даже архитектуру их повседневного быта. Болезнь — это призма, сквозь которую можно увидеть всю цивилизацию.

Одно из главных достоинств книги — ее невероятный временной размах. Бауэр начинает с момента, когда двенадцать тысяч лет назад человек перешел к оседлой жизни и создал первые города. Именно тогда, показывает она, появились эпидемии в современном смысле слова: тесное соседство людей и одомашненных животных создало идеальную среду для передачи болезней. Корь, оспа, грипп, туберкулез — все это «подарки» аграрной революции. Цивилизация и новые болезни пришли в мир вместе.

Отсюда Бауэр ведет читателя сквозь тысячелетия — от месопотамских представлений о болезни как наказании богов, через гуморальную теорию Гиппократ и Галена, через средневековые объяснения чумы (плохой воздух, козни дьявола, яды иновер-

цев, дурное небесное расположение планет), через революцию микробной теории XIX века — к современным антипрививочным движениям и пандемии COVID-19. Двадцать две главы охватывают более десяти тысяч лет истории, и при этом ни одна страница не кажется конспектом: везде — конкретные люди, конкретные истории, конкретные детали.

Пожалуй, самое интеллектуально смелое в книге — это тезис о том, что устаревшие объяснения болезней не исчезают, а продолжают жить в нас слоями. Когда образованный родитель в XXI веке кричит ребенку «не выходи с мокрой головой — простудишься», он воспроизводит логику, восходящую к миазматической теории. Когда антипрививочники говорят о «естественном иммунитете» и «жизненных силах», они пользуются языком гуморальной медицины, пережившей тысячелетия. Когда политики в кризис указывают на «чужаков» как на источник заразы — они следуют схеме, которую Бауэр прослеживает от средневековых погромов до современной риторики об иммигрантах.

Открытие микробов напрямую породило одноразовую культуру — бумажные стаканчики, целлофановую упаковку, гигиенические прокладки, пластиковые пакеты — за всем этим стоит не просто удобство, а страх перед невидимыми бактериями. Военная риторика («война с болезнью», «победа над раком») — не просто метафора, а культурный феномен, сформировавшийся в конкретный исторический момент и имеющий вполне измеримые психологические последствия для пациентов. Такие связи — фирменный знак Бауэр как историка. Она видит, как идеи материализуются в предметах, законах, городском устройстве, рекламе, религиозных обрядах. История болезни оказывается историей всего остального.

Перед вами один из увлекательных образцов исторической литературы последних лет — умная, глубокая, читаемая на одном дыхании книга, которая меняет взгляд на мир.

*Алексей Москалев
Директор Института биологии старения
и медицины здорового долголетия с клиникой
превентивной медицины РНЦХ
им акад. Б.В.Петровского Минобрнауки*

Оглавление

Глава 1. Призма	9
Глава 2. Потерянный рай: мы переехали в города и оказались в точке невозврата	18
Глава 3. Рождение вины: мы пытаемся избежать гнева богов.	34
Глава 4. Жрецы и врачи: естественное и сверхъестественное разделились, но не полностью	46
Глава 5. Определение болезни: мы решаем, что болезнь — результат отсутствия равновесия . . .	55
Интерлюдия: важная историческая справка	69
Глава 6. Воля Божья: чума поддерживает нашу убежденность в божественном происхождении болезни.	72
Глава 7. Нападки и яды: и вновь мы виним евреев	85
Глава 8. Поиск лекарств: мы делаем все возможное, чтобы избавиться от боли.	105
Глава 9. Потерянные в космосе: мы заглядываем в человеческое тело, а затем пересматриваем положение Земли	119
Глава 10. На Север и Юг: теория Гиппократ направляет заселение новых миров	133
Глава 11. Семена недуга: болезнь как явление возвращается	146

Глава 12. Страсти: нарушения эмоции становятся причиной заболеваний, и рождается психология . . .	159
Глава 13. Замешательство, вызванное вакцинацией: величайший прорыв медицины остается для человечества тайной	172
Глава 14. Борьба с заражением: новая теория о распространении болезней сталкивается с сопротивлением уважаемого среднего класса. . . .	194
Глава 15. Мир червей: мы наконец признаем реальность микробов.	216
Глава 16. Окруженные миазмами: плохие воздух и вода сохраняют силу, несмотря на микробную теорию	231
Глава 17. Ужас: мы окружены невидимыми микробами и практически ничего не можем сделать, чтобы защититься	246
Глава 18. Боязнь чужаков: мы переносим страх по поводу инфекции на тех, кто темнее, беднее и живет дальше.	264
Глава 19. Это война: военная риторика меняет нашу реакцию на болезни.	287
Глава 20. Одноразовая культура: страх микробов побуждает нас изобрести мир одноразовых вещей. . .	299
Глава 21. Восторг: антибиотики и вакцины обещают нам оглушительную победу	319
Глава 22. Уязвимость: мы возвращаемся к древнему мышлению.	338
Эпилог: что будет дальше?	351
Благодарности	354
Примечания	356
Об авторе	396

Из всех упражнений в смирении признание невежества и беспомощности перед лицом неминуемой смерти — одно из самых трудных.

Чарльз Розенберг
«Эпидемия холеры 1832 года
в Нью-Йорке» (1959)

Глава 1

Призма

**06:00, понедельник
в конце ноября 2015 года**

Вы видели неприятный сон, но его прервал будильник, и воспоминания о нем уже улечиваются. (Может быть, вас кто-то преследовал? Наверное, не стоило смотреть на ночь «Ходячих мертвецов».)

За окном еще темно. Позже пойдет дождь. Вы видели прогноз: будет холодный пронизывающий ливень — предшественник снега. Большая часть оставшихся листьев упадет на землю и превратится в мокрые желто-коричневые кучи.

В это утрюмое утро вас ждет какой-то неумолимый дедлайн. Через два часа нужно выехать на работу. Ребенок проснется с минуты на минуту. Надо выгулять собаку, а затем сесть за руль или в поезд, чтобы попасть на собеседование или в аэропорт.

И у вас болит горло.

Когда вы глотаете, по пищеводу распространяется слабая, но заметная боль. Возможно, вам поможет первая дол-

гожданная чашка кофе, чай с лимоном или глоток горячего пунша. Вы решаете принять дозу антигистаминного и обезболивающего и ищете спрей для носа, прекрасно понимая, что означает больное горло.

Вы простудились.

Это 52-я (80-я, 173-я) простуда в вашей жизни. Порядок событий вам хорошо знаком: сначала першит в горле, затем течет из носа и слезятся глаза, болит голова, появляется тяжесть в груди, начинается кашель.

«Возможно, в этот раз это просто аллергия!» — говорит мозг, не теряя надежды.

Но вы все понимаете: в конце концов ноябрь — сезон простуд и гриппа. Всего 48 часов назад (классическая продолжительность инкубационного периода) вы были на родительском собрании / ужине в переполненном ресторане / занятиях по изучению Библии / концерте молодежного оркестра вместе со множеством других чихающих / кашляющих / касающихся дверных ручек переносчиков вируса. Кто-то из них вас заразил.

Вам предстоит три-четыре дня мучений: голова будет похожа на цементный блок, а глаза начнут слезиться. Вы упорно продолжаете работать и вести обычную жизнь, но откладываете встречи и походы в спортзал до того времени, пока не станет лучше. Вы наносите на руки дезинфицирующее средство, сморкаетесь в свежие салфетки и извиняетесь за чихание и хриплый голос. Всем, кто интересуется вашим состоянием, вы отвечаете: «Все в порядке, это просто простуда».

Она скоро пройдет.

Если вдруг этого не произойдет (кашель начнет будить вас каждые полчаса, голова станет раскаливаться от колющей боли в пазухах, а зеленая слизь будет течь из носа), вы просидите час в приемной клиники, получите рецепт на антибиотики и через несколько дней пойдете на поправку. Свадьба во время рождественских каникул, новогодняя

вечеринка, февральская поездка в теплую страну — жизнь продолжится.

Вы перевернетесь на другой бок, сказав себе, что если уж заболели, заслуживаете еще пять минут в постели, и снова натянете одеяло на плечи.

Поздняя осень около 4000 лет назад

Вы открываете глаза, видите слабый свет на горизонте и тут же испытываете облегчение: сон, маленькая смерть, снова вас пощадил.

Вы не всегда об этом беспокоитесь, но прошлой ночью вам было тревожно. Вы вспотели, не могли улечься, страдали от жары и в итоге покинули свою спальню без окон, чтобы спать на шерстяном ковре на крыше. Там вас накрыла прохлада от быстрого течения Тигра, проходящего сразу за деревней: вода, словно стрела, неслась мимо берегов, унося с собой жар, исходящий от вашего тела. Сонливость окутала вас туманом, и вы уже не могли ей сопротивляться. Ваша последняя мысль: удастся ли проснуться?

И вот душа благополучно вернулась в тело, и вы чувствуете спиной успокаивающую шершавость ковра.

Однако не все так хорошо. Остатки страшного сна мучают вас. Воспоминания рассеиваются, но вы помните, как стояли на совете богов, готовом объявить вам войну за грех, который вы не можете вспомнить. У вас пересохло во рту, зубы стучат.

Вы подползаете к бочке с водой в углу крыши. Она хранит свежесть ночного воздуха, но когда вы делаете глоток, боль спускается к самому сердцу.

Тело пробивает дрожь, поэтому приходится кутаться в шаль. Вы не бедны, поэтому, вероятно, можете пригласить целителя — асу. В его сумке куча всевозможных снадобий: трав, древесной коры и солей, смешанных с пивом

для приема внутрь; пепла, змеиных шкур и речной глины, перемешанных с жиром и втираемых в ту конечность, которая считается причиной страданий.

Однако этот сон служит предупреждением: вам нужен не только целитель, но и жрец — *ашину*. Он сможет определить, какой из тысяч докучливых демонов, вечно таящихся в уголках мира, вселился в вас.

И, что самое важное, *почему* он это сделал. Что вы совершили, чтобы заслужить наказание? Возможно, вы не помните свой проступок, но это не говорит о вашей невинности. *Ашину* расскажет вам обо всех возможных вариантах. Он сможет указать на проблему, произнести нужные заклинания для вашего очищения или, возможно, определить и изгнать блуждающего духа, который просто свернул не туда и поселился не в том земном сосуде.

Однако позавчера вы слышали, что *ашину* — он обучался в Исине, столице медицины, и поэтому очень востребован — отправился лечить вспышку лихорадки и нарывов на Севере. Вы оказались без посредника, один на один со жжением в суставах и болью в животе. Наедине со страхом.

У вас есть дела сегодня днем, а на завтра запланирована поездка. Теперь это миражи, нереальные тени жизни, которая может закончиться к полудню. В мире не осталось ничего, кроме вас, боли и недостижимых богов, способных либо наказать, либо спасти вас.

Поэтому вы отчаянно молитесь, бросая слова в каменные небеса, и вопреки всему надеетесь, что жизнь продолжится и это не конец.

Конец ноября 2020 года

За окном сливочное небо, светящее перед рассветом. Вы не закрыли окно прошлой ночью, поскольку осень выдалась необычайно теплой. Однако странная погода не ка-

жется чем-то особенным. В конце концов на дворе 2020 год, оставивший после себя нечто более непривычное — COVID-19.

Вы не заводили будильник, поэтому проснулись чуть позже обычного. Но это неважно: как и ваши коллеги, вы работаете из дома. Главное — покормить детей, прежде чем они подключатся к онлайн-урокам, и расчесаться до видеозвонка, стоящего в 11:00.

Правда, вы чувствуете себя паршиво. Вас знобит, на коже выступил липкий пот, горло дерет, а в груди странная тяжесть. Вы тянетесь за термометром, лежащим на прикроватной тумбочке с марта, и суете его под мышку. Вы с трепетом ожидаете звукового сигнала и надеетесь увидеть температуру 36,6 °С.

Пи-пи-пи. Вы прищурившись, смотрите на дисплей, и вдруг ваше сердцебиение учащается: 38 °С.

Вы лихорадочно вспоминаете события прошлой недели. В супермаркете был тот бородатый парень без маски, бродивший по отделу фруктов и овощей. Вы обошли его, но, возможно, капли уже распространялись по воздуху. Вы пили кофе с сестрой, но на улице. Она заболела? Надо будет ей позвонить. Соседка заходила на бокал вина на прошлой неделе, но вы придерживаетесь одинаковых правил и стараетесь быть осторожными.

«Может, это просто аллергия? — говорит та часть мозга, которая обычно превращает ваши худшие страхи в управляемые возможности. — Из-за аллергии ведь иногда поднимается температура? Или из-за простуды. Или... гриппом все равно можно заболеть, несмотря на вакцинацию, да?» Другой голос начинает перечислять все проблемы: *мне нужно держаться подальше от детей? Кто будет контролировать их учебу? Что я скажу начальнику?* Но все эти бурлящие мысли медленно вытесняются третьим голосом, строгим и более громким.

Ты можешь умереть.

Вы кладете термометр назад на тумбочку, заползаете под одеяло и закутываетесь в него. Вы все еще слышите биение сердце в ушах и чувствуете, как очередной кашель вырывается из горла. Все, о чем вы можете думать, — это *пожалуйста. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть этого не случится.*

* * *

Наши тела — это перекресток, где наше самое сокровенное «я» встречается с внешним миром. Это матрица, где формируются наши мысли, эмоции и убеждения. Когда наши тела функционируют хорошо — когда мы здоровы, сильны, энергичны и не испытываем боли, — мы не замечаем, как наше физическое существование влияет на эти мысли, эмоции и убеждения. Но стоит песчинке попасть в механизм, и внезапно все меняется.

Древнейшие из известных нам историй говорят об этом. Гильгамеш и его компаньон Энкиду проносятся по просторам Месопотамии, беззаботно сея хаос везде, где бы они ни появились, пока у Энкиду не начинается лихорадка. Закаленный воин Гильгамеш внезапно в мучительном смятении мечется вокруг постели своего друга. Траектория его триумфальной жизни обрывается. Иов наслаждается своими полями, стадами и семьей, пока беда не обрушивается на его скот, детей и тело. Он садится на пепел и соскребает черепком свои язвы. Весь его мир рухнул, а телесная болезнь стала последним и величайшим проявлением краха семьи.

Болезнь — это не «просто» болезнь, а самое интимное проявление наших сложных отношений с реальностью, место, где слаженное функционирование внезапно нарушается и механизм разваливается.

Болезнь — это великое зеркало, отражающее наши самые насущные вопросы: почему беда приходит без предупреждения? Как это можно объяснить? Как это можно предотвратить? Как нам постоять за себя? Развивающееся понимание того, что делает нас больными и как, — это призма, через которую всегда преломлялось наше восприятие внешнего мира. Исследуя причины и способы лечения болезней внутри нас, мы начинали менять свои взгляды на вселенную снаружи. Когда объяснения болезни не было, мы молились божествам и поклонялись им. Когда считалось, что болезнь вызвана нарушением баланса жидкостей, мы были одержимы равновесием и симметрией¹. Открытие микробов повлекло за собой создание антисептической культуры. Когда стала актуальна теория заражения от человека к человеку, мы создали одноразовый мир пластиковых контейнеров и полиэтиленовой пленки и установили отдельные питьевые фонтанчики и туалеты для носителей «других» видов микробов. Когда мы считали, что побороли инфекции и окончательно одержали победу над болезнями, преследовавшими человечество испокон веков, мы радостно обратили свой взор вовне, посмотрели в космос и устремились к звездам.

А теперь, поняв, что даже после всех этих открытий вирусы все равно способны взять над нами верх, мы закрываем границы, боясь чужаков, которые могут оказаться переносчиками болезни. Мы не доверяем медицинским рекомендациям (в конце концов мы чувствуем, что меди-

---

¹ Гуморальная теория (от лат. humor — «жидкость») — учение древнегреческой медицины, согласно которому здоровье человека зависит от баланса четырех основных жидкостей организма: крови, флегмы (слизи), желтой и черной желчи. Нарушение их равновесия считалось причиной болезней и определяло темперамент человека (сангвиник, флегматик, холерик, меланхолик). Теория господствовала в европейской медицине вплоть до XIX века. — *Прим. ред.*